

Зейтулла Джаббаров

После расстрела

**История русской
родовой дворянки**

Зейтулла Джаббаров

**После расстрела. История
русской родовой дворянки**

«Литео»

2017

УДК 82/821-821.161
ББК 84-4

Джаббаров З. А.

После расстрела. История русской родовой дворянки /
З. А. Джаббаров — «Литео», 2017

ISBN 978-5-00071-916-9

Книга «После расстрела: история русской родовой дворянки» появилась на свет, когда автору этого произведения исполнился 71 год, а задумал и начал писать он ее в возрасте 56 лет. Уже в 1979 году, перед развалом СССР, по инициативе советского режиссера Гелия Рябова была найдена и вскрыта могила с останками царской семьи. И не где-нибудь, а на Коптяковской дороге. Из этого места тайного захоронения исследователи достали останки девяти человек из одиннадцати расстрелянных.

УДК 82/821-821.161

ББК 84-4

ISBN 978-5-00071-916-9

© Джаббаров З. А., 2017
© Литео, 2017

Содержание

Предисловие	6
Пролог	10
Глава первая	18
Детские годы с Марией	24
Урок на всю жизнь	25
Мария – моя мама	26
Детские шалости	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Зейтулла Джаббаров
После расстрела. История
русской родовой дворянки

© З. Джаббаров, 2017

© «Литео», 2017

Предисловие

История последнего русского царя императора Николая II и членов августейшей семьи, расстрелянных большевиками в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в доме особого назначения, принадлежавшего инженеру Ипатьеву, находится в центре внимания мировой общественности. Этой теме посвящены не только исторические, но и журналистские, историко-правовые, судебно-медицинские исследования. Однако загадка расстрела царской семьи так и остается нераскрытой. Советский режим держал в глубокой тайне историю этого расстрела, а его исполнители писали ложные сведения. И как следствие этого, мы сегодня мы имеем по крайней мере две противоположные версии. Согласно одной, большевики расстреляли всю семью, а вторая гласит, что никакого расстрела не было, и её авторы приводят различные доказательства, не соответствующие истине. Но не будем касаться юридических подробностей этого дела в эпоху президентов Бориса Ельцина и президента В.В. Путина, когда обнаружили останки двух младших детей императора Николая Романова.

Похороны останков царской семьи состоялись 18 июля 1998 года, на церемонии выступил Президент РФ Борис Ельцин и закончил свою речь словами: «Давайте помянем тех, кто стал безвинными жертвами ненависти и насилия», не назвав при этом имена членов царской семьи. Захоронения останков Марии и Алексея Романовых, найденных в 2007 году, не было. В это трудно поверить, потому что Э. Радзинский в книге «Николай II: жизнь и смерть» (в главе «Гость») подробно описывает, как спаслись Мария и Алексей, когда грузо-

вик застрелял возле сторожки. Красноармейцы, стоявшие около грузовика, слышали стоны раненых, находившихся под брезентом в машине. Водитель грузовика Сергей Люханов в это время находился в сторожке. Красноармейцы же, вытащив из грузовика живых Марию и Алексея, удалились в лес и снова вернулись к грузовику. Осовевшие от пьяного сна Ермаков с Юровским удалились в лес искать своих людей. И вот тогда, перегружая тела из грузовика на телеги, они обнаружили, что не хватает двух трупов. Они вдвоем укрыли эту недосдачу. Вот только Юровский не смог сделать фото расстрелянной семьи. Убийцы раздели все три трупа девочек и обнаружили бриллианты. Марию и Алексея им раздеть не удалось. Из конца записки Юровского следует, что они сожгли двух мальчиков и молодую особу. Почему не сожгли других?

За прошедшие почти 100 лет история зафиксировала десятки лжецов, выдававших себя за детей Николая Романова. Это известные истории, и мы не хотим их повторять.

Книга писателя-публициста Зейтуллы Джаббарова «После расстрела: история русской дворянки» вышла в свет недавно. Это художественная автобиографическая повесть о матери, с которой он провел всю сознательную жизнь, перед смертью раскрывшей ему тайну, кто она самом деле, почему все эти годы скрывалась от большевиков и жила под чужой фамилией.

Книга состоит из пролога, пяти глав и эпилога. Сюжетное повествование автобиографической повести построено на личных воспоминаниях автора. Она охватывает периоды жизни до 1956 года, когда семья жила в поселке Керчевск Чердынского района Пермской области России (остальная часть жизни прожита в Азербайджане). Когда великая княгиня Мария Николаевна на смертном одре поделилась тайной о своем происхождении, автор работал горкоме партии и состоял в коммунистической партии. Но он мог только догадываться, что его мать принадлежит к известной династии Романовых. И эти предположения подтвердила Мария Николаевна в последние минуты своей жизни.

В повествование вошли эпоха Иосифа Сталина, Никиты Хрущева, Леонида Брежнева, Юрия Андропова, Михаила Горбачева, президентов России Бориса Ельцина и Владимира Путина, с которым автор познакомился в холодные январские дни 1990 года. Коротко автор рассказывает и о своей журналистской деятельности в годы советской эпохи и независимого Азербайджана.

В прологе автор рассказывает о последних днях жизни матери, просившей никому не рассказывать о своем происхождении и не вскрывать её могилу. «А то будет война», – пророчила Мария Николаевна. Основу повествования составляют живые картины быта лет, проведенных рядом с Марией, которая в глубокой тайне хранила свою принадлежность к династии Романовых, любовь к родителям, сестрам и брату Алексею Николаевичу, которого она долго искала в республиках Средней Азии. Да видно, не судьба – она его так и не нашла. У автора сохранились фотографии Алексея Николаевича, которые хранила Мария Николаевна. И когда автор прочитал роман «Николай II: жизнь и смерть» Эдварда Радзинского, среди героев книги он нашел человека, который выдавал себя за некоего Семенова Филиппа Григорьевича. Автор достал фото своего дяди и его жены Аси. Мария не знала, что произошло с Алексеем после войны, как его преследовал бывший глава уральский большевик Белобородов, который занимался вымогательством и требовал от Алексея все больше денег за хранение его тайны. В результате – арест и срок в колонии. Заключенный Семенов во время отбывания лагерного срока попал в психбольницу. В его документе указан год 1904-й рождения. При этом проявление острого психоза исчезло. Больной успокоился и охотно говорил. Он был высокого роста, полноватый, плечи покатые, сутуловат. Он рассказал, что во время расстрела отец его обнял и прижал лицом к себе. Он запомнил фамилию Белобородова. Прозвучали выстрелы, Алексей был ранен в ягодицу и свалился в кучу тел. Его вывезла в Петербург какая-то семья, но он сбежал и записался добровольцем в конную армию Буденного,

после гражданской войны служил в Средней Азии, окончил в Баку экономический институт (финансово-кредитный факультет), работал на предприятиях. И везде его преследовал Белобородов, требовавший платить большие деньги за молчание. По этой причине он оказался в лагере. Его осмотрел консультант из Ленинграда С.И. Генделевич, который обнаружил у больного крипторхизм (неопущение одного яичка), который отмечался и у наследника. Врачи поставили ему диагноз паранойя. Выбыл он из больницы 22.04.1949 года.

В первой главе автор повествует о жизни в уральской глубинке, приводит исторические сведения о поселке Керчевский и лесосплавном рейде Чердынского района Пермского края, чем и был знаменит этот поселок. Далее следует описание детских лет, проведенных вместе с Марией (автор приводит отдельные эпизоды, ставшие уроками на всю жизнь). Интересны отдельные части глав «Мария, моя мама», «Детские шалости», «Авария мотоциклиста». Эти главы читаются легко, и запоминаются отдельные моменты из жизни переселенцев в эту российскую глубинку. Их заставили переехать с одной целью – валить лес и сплавливать его вниз по Каме.

Интерес для любого историка предоставляет глава, повествующая о судьбе переселенцев Крыма. Одним росчерком пера миллионы людей переселили в уральскую глубинку и в голодные степи Казахстана. Мы становимся свидетелями серой и безрадостной жизни этих людей, полной тревог и безнадёжности в будущем. Однако после XX съезда КПСС, темой которого стал культ личности Сталина, последовала крупнейшая акция амнистии, позволившая людям вернуться в родные места. Однако Мария не вернулась в Крым, она вместе с семьей и мужем прибыла в солнечный Азербайджан. Сначала жили в Сальяне, потом, всю оставшуюся жизнь, в селе Ширвана.

Большой интерес представляет образ главной героини повести Марии Николаевны Романовой. Автору удалось показать реалистичный образ женщины родовой русской дворянки. Трудолюбивая, она всю жизнь работала на производстве и у себя дома, воспитывала единственного сына, с которым ездила в село Ширвана собирать хлопок. Она общительна, но не со всеми, разбиралась в людях, умела предсказать их будущее. Ей не нужно было занимать должности в учреждениях, она старалась быть незаметной, работала рядовой техничкой, имела небольшой заработок, которого едва хватало на двоих. Но никогда ни перед кем не унижалась, жила честно с поднятой головой и внутри хранила верность своей семье, погибшей под Екатеринбургом. Она сумела воспитать в своем сыне лучшие качества. Эта семья почитала книги и была далека от роскоши, сплетен по поводу или без повода.

Автор с любовью вспоминает студенческие годы, проведенные в Баку и письма, которые он писал матери. Эти два человека жили одной жизнью и заботились друг о друге. Так и пролетели пять лет студенчества, а в 1971 году Мария познакомилась с семьей будущей невестки. Она была довольна: сын нашел одну-единственную, вторую половинку. Когда у нее родилось двое внуков, она не усидела и принялась за их воспитание.

Судьба сложилась так, что сын вынужден был работать в горкоме партии и гнуть спину на врагов Марии, которые уничтожили её семью. Она занемогла и слегла в постель, умерла 13 мая 1981 году, за десять лет до распада СССР.

Последняя глава посвящена мифам вокруг расстрела царской семьи. Личные исследования автора показали, насколько все сложно с обстоятельствами ее расстрела и что здесь пока ещё рано ставить точку. В этом вопросе глубоко заинтересован не только Дом Романовых, возглавляемый Марией Романовой, но и финансовые центры США, Великобритании и России. Николай II оставил после себя огромное финансовое состояние, которое хранилось в Испании и США. Впрочем, из этого состояния был сформирован комитет Федерального резервной системы США, подписан договор из трех копий, которые хранят каждая из сторон. Две копии этого нашли, но вот третьей копии так и нет. В настоящее время договор

действителен, и тому, кто представит третью копию, будут возвращены деньги Российской империи.

В этой главе мы находим различные исторические сведения о представителях дома Романовых в прошлом и сегодня, о белых пятнах убийства царской семьи, исполнителях расстрела, давших противоречивые и даже ложные сведения – такие, как «записка Юровского».

До сих пор неизвестно, где могила царской семьи. Ученые высказывают мнение, что её вообще не существует. Не было и отречения императора Николая II от престола – такого документа нет вообще. А был переворот в армии, генералы угрожали царю расправой над его семьей. Она для него была самым ценным в жизни, поэтому покинув ставку в Могилеве, он спешно возвращается в Петербург. Временное правительство во главе с Керенским держит под арестом всю семью Николая II, а в августе 1917 всю семью увозят в Тобольск, затем в мае 1918 года перевозят в Екатеринбург и помещают в Дом особого назначения, где и происходит расстрел.

В ноябре 2017 года исполнится 100 лет со дня Октябрьского переворота. Ровно 74 года КПСС находилась у руководства страной. После неудавшегося ГКЧП распалась держава под именем СССР, а союзные республики обрели независимость.

Все годы советской власти режим генсеков в секрете сдержал убийство царской семьи, в то время как на Западе этой теме были посвящены фильмы и книги. После распада СССР убийству уделяли больше внимания. Книга «После расстрела: история русской родовой дворянки» правдиво рассказывает об истории великой княгини, чудом спасшейся от красного колеса большевиков. Какими бы ни были её страдания, она жила и ви-дела, что творила власть большевиков, которая сделала все, чтобы фальсифицировать историю России, показать Николая II слабым руководителем, предать забвению царя и царскую семью. И это им удавалось всего лишь 74 года. Сегодня Россия другая, и все чаще на страницах печати воссоздается образ царской семьи, которая уже канонизирована Русской православной церковью.

В будущем году Россия и все человечество вспомнит убиенных членов этой венценосной семьи и отметит 100-летие со времени расстрела императора и его семьи. Как уже было сказано, в советские годы идеологи режима старались предать забвению белые пятна истории, но им это не удалось. Историческая справедливость восторжествовала, и вся правда о расстреле царя и его семьи известна, но не полностью. Эта книга – правдивый рассказ о жизни и смерти великой княгини Марии Николаевны Романовой.

Эльман Насиров, депутат Милли Меджлиса, директор Института политических исследований Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, секретарь Комиссии по международным отношениям Партии «Новый Азербайджан», доктор политических наук, профессор.

Пролог

В самом центре южного города Баку в новостройке, поднявшейся в новом веке, гасли огни в окнах многоэтажного белокаменного дома, и только на четвертом этаже в одном окне горел свет. В этой квартире за письменным столом сидел 70-летний мужчина и усердно работал. Настольная лампа освещала экран стационарного компьютера и лежащую перед ним клавиатуру черного цвета. Он уже привык в эти дни работать допоздна, и хотя это и не входило в его правила, был вынужден писать, чтобы завершить произведение, над которым работал более 15 лет. Он любил трудиться с раннего утра, когда на востоке проглядывала едва заметная полоска неба нового зарождающегося утра. В знойные дни Бакинского лета он имел привычку работать на балконе. С Хазара в это время в город тянулись свежие струи морского воздуха, охватывая жилые кварталы, поднимаясь все выше и выше. В такие минуты бодрящий чай с лимоном с розеткой свежего варенья, поставленный заботливой хозяйкой на столе, придавал особые силы для творческой работы.

Но нынешнее время ему о чем-то говорило, и он старался запечатлеть на белой бумаге компьютерного формата все, что было у него на душе и сердце, словно спешил запечатлеть в своих мемуарных воспоминаниях художественными мазками все образы минувшей эпохи и связанные с ними семейные тайны.

Так, в своих первых строках старый журналист написал следующее: «Во второй половине 1980 года моя жизнь резко изменилась. В то время я уже работал заместителем главного редактора городской газеты «Маяк» и иногда печатался на страницах республиканской прессы. На этой должности я работал по решению Бюро Али-Байрамлинского ГК партии. В апреле 1979 года, накануне Всесоюзной конференции по нравственному воспитанию, прошедшей в Баку, в газете «Вышка» вышла моя статья о нравственном воспитании членов трудового коллектива Али-Байрамлинского Маслоэкстракционного завода, вызвавшая большой интерес в ЦК КП Азербайджана. Министр пищевой промышленности Кямил Мамедов позвонил директору завода Пирверди Мамедову и выразил свою благодарность за постановку вопроса воспитания в трудовом коллективе. В тот же день мне позвонил Пирверди Мамедов и выразил благодарность за статью. Потом у меня были публикации и в газете «Бакинский рабочий» о жизни первичных партийных организаций хлопкоочистительного завода, о деятельности узлового парткома станции Кази-Магомед. Я активно принимал участие в освещении социально-экономического развития трудовых коллективов промышленных предприятий города Али-Байрамлы. Моя журналистская популярность росла, и я одновременно, по приглашению отдела пропаганды и агитации, посещал горком партии и помогал работникам писать различные материалы, которые отправлялись в ЦК партии. Я чувствовал, что нахожусь в резерве на руководящую должность в ГК партии, но об этом никому ничего не говорил.

В семье часто поднимались вопросы об улучшении наших жилищных условий, тем более что я состоял на квартирном учете с 1971 года – как только приступил к педагогической деятельности. Прошло уже 9 лет, подрастали два моих сына, с нами жила моя мать Мария. И я твердо решил пойти на прием к первому секретарю ГК партии Г. Губатову.

Летом я обратился к нему с заявлением об улучшении моих жилищных условий. Внимательно выслушав меня, он в то же время выступил со встречным предложением. «Мы тебе выделим квартиру, но с одним условием. Ты переходишь на работу в городской комитет партии. Будешь получать зарплату 180 рублей в месяц. Работа начинается в 9 утра и заканчивается поздно, около 10 вечера». Возможность получить квартиру в Новой части города, вскружила мне голову, и я сразу согласился, не спросив совета моей матери. В радостном

настроении я вернулся домой. Мы жили на первом этаже двухэтажного дома поселка, в котором также жили заводчане маслозавода.

Я продолжал работать в редакции, и однажды редактор газеты «Ишыг» Захид Фарджевич Исмаилов, вызвав меня к себе в кабинет, поздравил с новой квартирой. Решением профсоюзного комитета редакции «Ишыг» мне выделили квартиру из четырех комнат в новой части города. А уже через некоторое время меня направили в Дом политпросвещения ЦК КП Азербайджана на собеседование к директору Вели Гусейновичу Мамедову, а потом на бюро ГК партии меня утвердили в должности заведующего кабинетом политпросвещения. Со мной лично беседовал Вели Мамедов. Он спросил, как и по каким обстоятельствам я родился в Уральской глубинке. Я рассказал, что родился в семье переселенца, которую реабилитировали в 1956 году, после чего мы приехали в Азербайджан. Он посмотрел на меня и ответил, что в ту эпоху были несправедливости. Ведь он был кандидатом исторических наук и хорошо знал о переселении народов на окраины бывшего СССР. Биография моя была чистой, поэтому он принял меня на работу. С положительным ответом я вернулся в Али-Байрамлы и доложил об этом в общем отделе ГК партии.

Жизнь моя менялась в лучшую сторону: я получил повышение, которого не было ни у одного из ответственных партработников. То была негласная установка Гейдара Алиева – выдвигать на ответственные должности русскоязычных азербайджанцев.

Хотя квартирный вопрос решили в мою пользу, и я должен был переехать на новую квартиру, там еще жил Мирбала Алиев, сын бывшего директора моей школы № 2, позже работавший директором педагогического училища Гюльбалы Шихбала оглу Алиева, который пользовался большим авторитетом среди населения города. Я несколько раз обращался к Мирбале Алиеву, чтобы он освободил квартиру, но он этого не делал. Секретарь Гусейн Губатов позвонил мне по внутреннему телефону и в приказном тоне сказал, чтобы в течение недели я переехал на новую квартиру. Я приехал в старый город и нанес визит Гюльбале Алиеву. Он сидел на веранде собственного дома принял меня и выслушал. Он был человеком мудрым, никогда в жизни не делал ничего плохого, всегда помогал людям, слыл доброжелательным шейхом. Он понимал, что я попал в самое пекло интриги, которую вел против моего учителя и уважаемого аксакала первый секретарь горкома партии. Потом сказал: «Я рад, что эта квартира досталась именно тебе. Я благославляю тебя. Живи и радуйся». Через два дня я переехал на квартиру со всей семьей. Мария была недовольна моим новым назначением, но об этом ничего не сказала. У неё поднялось давление, и ею овладели воспоминания времен трагического прошлого. Она снова начала говорить вслух, выражая протест ясными словами: «И зачем ему понадобилось эта работа в горкоме партии? Ведь эта организация не имеет будущего. Лучше бы оставался учителем или работал журналистом. Это намного лучше, чем работа в горкоме», – говорила она. Я её успокоил, сказав, что дал согласие только из-за квартиры. Истинные причины её недовольства мне были неясны, но я догадывался о мотивах. Это было связано с расстрелом её семьи в далеком 1918 году. Но больше всего она никак не могла смириться с тем, что новый режим оболгал личность императора и его семью, ради которой он был готов отдать жизнь. И в этой огромной стране не нашлось человека, который мог бы смело рассказать правду о России, Октябрьском перевороте, предателях генералах и белой армии, потерпевшей поражение в гражданской войне. Восстановить истину, историческую справедливость удалось спустя десятилетия, когда открылись архивы, в которых не обнаружили документа об отречении императора Никола II от престола. От него отвернулась армия и народ России. Ложка дёгтя в бочке мёда. На лозунги большевиков о равенстве, братстве, справедливости клонули все слои великой страны, трудовой народ и интеллигенция. Пришедшие к власти большевики установили диктатуру пролетариата, утопив в крови миллионы людей...

Я выходил на работу, приводил в порядок документы и папки сети политического и экономического образования. Их вообще не было, я сам удивлялся тому, как люди работали до меня. Работы было много, и я в короткий срок создал около 20 папок с материалами и программами политпросвещения и экономического образования.

Возвращался домой поздно вечером. Я знал, что Мария сильно переживает – её никак не устраивала моя работа в горкоме партии. На протяжении всей жизни она так и не смирилась с тем, что произошло в её прошлом, какие потери она понесла, вынужденно скрываясь под чужими именем и фамилией. По документам она разменяла седьмой десяток, а на самом деле она прожила долгую жизнь в постоянной нужде, но всегда оставалась именно такой, какой была на самом деле, уважая и высоко чтя память членов своей семьи.

В ноябре 1980, года в годовщину Октябрьского переворота, от нервного срыва моя мать занемогла и слегла в постель. «Извини сынок, запуталась я», – сказала она слабым голосом. Я вызвал врача, который поставил диагноз: двухсторонний паралич. Каждый день из поликлиники к нам домой приходили врачи, давали различные лекарства, но они не помогали. Я был в отчаянии и думал, как облегчить страдания моей любимой матери. Она не двигалась и лежала в отдельной комнате. Всю зиму я, жена и мои мальчики заботились о Марии. Ухаживать за парализованным больным непросто. Мы не замечали этих сложностей, делали все, чтобы она себя чувствовала комфортно. Несколько раз я предлагал отвезти её на лечение в Баку, но всякий раз получал отказ. Весной было небольшое облегчение, но она уже не вставала. Паралич приковал её к постели, и она не могла выйти из этого критического состояния. 12 мая 1981 года в 12 часов ночи она вызвала всех нас к себе. Я понял, что это было прощание со мной, женой и внуками, которые безумно любили Марию. Она лежала, не двигаясь, но глаза светились необычным светом. Я не мог сдержать своих слез, они непроизвольно лились по моему лицу. Я понял, что я теряю её, она уходит в иной мир, откуда нет возврата. В одно мгновение перед моими глазами, словно кинокадры, прошла вся моя жизнь, неразрывно связанная с этой прекрасной и самой красивой женщиной в мире. Она сказала тихо и с некоторой грустинкой: «Не плачь. Все кончено. Я уйду. Но перед смертью я хочу отрыть тебе свою тайну, которую хранила всю жизнь. Я не твоя биологическая мать, но всю жизнь посвятила тебе и твоему воспитанию, и становлению в жизни. Я русская родовая дворянка, великая княгиня Мария Николаевна Романова. Похорони меня здесь, на Ширване, и не позволяй, чтобы вскрывали мою могилу. Если это произойдет, будет большая война. Пышные поминки не делай. На годовщину купи черного барана».

Она попросила ножницы и, отрезав небольшую прядку волос, передала мне на хранение. Я взял в руки отрезанные волосы и сложил их в коробку. Срезать волосы – это обычай всех членов династии Романовых. В бывшем архиве Октябрьской Революции хранилась папка, внутри которой лежал маленький конвертик с типографской надписью «Аничков дворец» и с тисненой короной. На нем, на английском языке было написано: «Волосы Ники, когда ему было три года».

Хоронил Марию по исламским традициям, нанял рабочих, которые рыли могилу на городском кладбище, купил 10 метров белой ткани и прилагающиеся вещи, вызвал муллу и женщину для омовения её тела. Возле пятиэтажного дома в палатке омыли тело моей матери. Я впервые видел тело: на груди – зарубцевавшиеся следы трехгранного штыка, а когда её перевернули, и на спине я заметил рубец от затянувшейся раны. Присутствовавшие во время омовения могли не знать, что это за рубцы, но я понимал, что это следы от той кошмарной ночи, когда большевики не пожалели ни одного человека из царской семьи. Глаза мои увлажнились, сердце мое отказывалось слушаться. Я еле-еле стоял на ногах. Вечером в 4 часа мы отвезли её на городское кладбище и похоронили неподалеку от белого кумбеза.

Три дня я не ходил на работу, а на четвертый мне передали, чтобы я вышел и работал до полудня.

Я все сделал так, как она завещала. Поминки были скромные, нанял повара для приготовления блюд, на длинные столы поставили хлеб, салаты, сыр и халву. Я дал три, семь и сорок дней, расплатился с муллой, которому подарил Коран в интересном переплете. В отделе горкоммунхоза заказал надгробный камень. На сороковой день я с членами семьи побывал на кладбище, и мулла читал суру «Ясин» из священного Корана. Вокруг места захоронения матери уже были свежие детские могилки. И это вполне объяснимо, она любила детей.

Мария тщательно скрывала свое происхождение, чтобы не пережить повторно все ужасы расстрела семьи, слуг и доктора Боткина. Из-за страха быть обнаруженной она даже не позволяла, чтобы её сфотографировали вместе с моей семьей. Но вот о тайне хорошо написал поэт Евгений Евтушенко:

*У каждого свой тайный личный мир!
Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы – как истории планет.
У каждой все особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.*

*А если кто-то незаметно жил
И с этой незаметностью дружил,
Он интересен был среди людей
самой неинтересностью своей.*

*У каждого – свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
Но это все неведомо для нас.*

*И если умирает человек,
С ним умирает первый его снег,
И первый поцелуй, и первый бой...
Все это забирает он с собой.*

*Да, остаются книги и мосты,
Машины и художников холсты,
Да, многому остаться суждено,
Но что-то ведь уходит все равно!*

*Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них?*

*Что знаем мы про братьев, про друзей,
Что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
Мы, зная все, не знаем ничего.*

Уходят люди... Их не вернуть.

*Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать.*

На семь дней я ездил на кладбище вместе с муллой, который прочитал суру «Ясин». Было одиноко и грустно. И это чувство вполне раскрывает приведенное мною ниже стихотворение:

*Жизни сладостные тайны
Обнимают все творенье.
Этот мир-стихотворенье
Об одной любви бескрайней.
Но так часто мы бываем
В этом мире не такими.
Я слезами обливаюсь
Над объятиями людскими.*

Архиепископ Иоанн (Шаховской).

До распада СССР оставалось ещё десять лет. После избрания Михаила Сергеевича Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС в стране начались разрушительные процессы, все секретное и тайное о великой державе, стало достоянием зарубежных спецслужб, а в печати публиковались материалы о белых пятнах истории. Особое внимание привлекали статьи и книги о расстреле последнего русского императора Николая II. Под Свердловском нашли тайную могилу, в которой покоился прах царской семьи. Мой интерес к семье Романовых возрастал с каждым годом и с каждой находкой под Екатеринбургом, которому вернули историческое имя. В эти годы уже было много самозванцев, выдававших себя за членов царской семьи. Я прочел много источников, о двойниках членов семьи Романовых, но только одна-единственная женщина, скрывавшаяся от ищеек карательных органов советской власти, ни разу не обмолвилась о том, что она Великая Княгиня Мария Николаевна. Она открыла свою тайну только мне, в последний день своей жизни на смертном одре. Надо ли все это комментировать. Да, это была её правда, переданная устно в виде откровения просто и ясно. Ни ей, ни мне не нужно, чтобы кто-то верил или не верил в то, что это была настоящая Мария Николаевна Романова. Она ушла за 10 лет до того, как разрушилась Советская империя. Жернова пролетарской диктатуры советской системы не смогли сломить её дух, она знала, что рано поздно рухнет режим коммунистов. Народы обретут свободу и будут развиваться по пути демократии и социального прогресса. Но я далек от критики прошлого: мы жили в эту эпоху, вложили немало труда, чтобы будущие поколения жили счастливо.

Мое душевное состояние можно передать этими стихотворными строчками:

*Рано или поздно...
Поздно или рано...
Высыхают слезы...
Заживают раны...
Утихают ссоры.
И ночами снится...
Каждый получает то,
К чему стремится.*

Осенью 1981 года я вышел в отпуск и уехал по цэковской путевке отдыхать в санаторий имени М.В. Фрунзе в Сочи. Здесь я встретил первого секретаря Свердловского обкома КПСС Бориса Николаевича Ельцина с Коржаковым, а отдыхающие женщины меня познакомили с Раисой Максимовной, женой Михаила Горбачева. Я ездил в Мацесту, где принимал ванны. Комната Бориса Николаевича Ельцина находилась на втором этаже санатория, над моим номером. Днем, как правило, было тихо и спокойно, но зато после 9 вечера, поднимался такой шум, что было невыносимо слушать пьяного Ельцина. И я долго не мог уснуть от шума партийного вожака уральских коммунистов. Он пел во все горло частушки и играл ложками.

Здесь, в Сочи, шли разные разговоры о будущем СССР. Говорили, что к власти придет Михаил меченный, и все изменится, а через 10 лет СССР перестанет существовать как государство. Я не высказывал своего мнения, а только внимательно слушал информированных собеседников из окружения Раисы Максимовны, которая через четыре года станет первой леди бывшего СССР. Раиса Максимовна даже на отдыхе читала Ленина. В её руках я видел такие произведения как «Как организовать соревнование», «Лучше меньше, да лучше», «Как реорганизовать Рабкрин», «О кооперации» и другие. Удивительно то, что эта женщина собирала вокруг себя подруг и заставляла их вести разговоры о будущих реформах в стране. Со мной тоже говорили на эти темы, даже спросили, какой самый молодежный и интернациональный город в Азербайджане? Я ответил: Сумгайт. В то время я не мог догадываться, что через некоторое время здесь произойдут такие события, о которых узнает весь мир. Я неплохо знал этот городок азербайджанских химиков, изучал опыт организационно-партийной и массово-политической работы Сумгайтского горкома партии. О сумгайтских событиях я написал несколько публицистических статей, вышедших в республиканской печати...

Когда вернулся в родной городок, я имел неосторожность рассказать о том, что ждет СССР через 10 лет. Об этом доложили секретарю, и он решил отправить меня на учебу в Бакинскую высшую партийную школу при ЦК КПСС. Я учился на курсах слушателей очного отделения продолжительностью в два года, при распределении меня хотели направить на работу в редакцию газеты «Бакинский рабочий», но секретарь не согласился, сказав, что я нужен Али-Байрамлинскому горкому партии. Так я вернулся в родной город, продолжал работать в ГК партии. В марте 1985 года после кончины генсека К.Черненко к власти пришел Михаил Горбачев, объявивший о перестройке в СССР. Наш секретарь в городе проработал 10 лет и в ЦК ему нашли замену. Летом на Бюро ЦК Компартии Азербайджана рассмотрели вопрос о ходе выполнения решения Бюро ЦК по организации подсобных хозяйств промышленных предприятий города. За недочеты, допущенные в организации подсобных хозяйств, секретарю Гусейну Губатову поставили на вид. Но и этого было достаточно для партийного лидера, чтобы сменить его на предстоящей городской партийной конференции. Причину отставки второй секретарь ЦК партии Ю. Коновалов объяснил просто: «В городе формируется центр промышленности точного приборостроения и нам нужен человек, который хорошо знает электротехнику».

В декабре 1985 года на конференции избрали нового секретаря ГК партии Адиля Мамедова, с которым я проработал до июня 1987 года. В июне меня утвердили в должности собственного корреспондента по Мугано-Сальянскому региону республиканской газеты «Бакинский рабочий».

То была эпоха горбачевской «перестройки», и редакция требовала от журналистов присылать критические материалы о деятельности партийных, советских и хозяйственных органов городов и районов республики. Получив в органах официальные материалы, я большую часть времени проводил с людьми районов, собирал материалы, о которых даже не знали партийные боссы районов, находившихся под моей курацией. Для специальной колонки о перестройке я готовил авторские материалы о негативных явлениях в промышленности, её

различных секторах, сельском хозяйстве, образовании и культуре и даже в деятельности советских органов. За четыре года я опубликовал десятки критических статей и реплик, на которые последовала острая реакция руководителей городов и районов. Но ни один из них не мог опровергнуть изложенные мною факты и критические замечания о негативных явлениях в социально-экономическом развитии регионов республики.

После каждой поездки я навещал могилку матери. Она всегда была со мной в моих дальних поездках по региону, я советовался с нею как поступить в той или иной ситуации и находил правильные ответы о выходе из положения.

В январе 1991 года меня перевели в штат газеты «Бакинского рабочего» на должность заведующего промышленно-транспортным отделом на место журналиста Али Наибова, который уехал в Москву и работал в центральной газете «Социалистическая индустрия». Я проработал в этой должности до мая того же года и по семейным обстоятельствам вынужден вернуться на прежнюю должность собкора. Причина состояла в том, что моя теща Кабутар Велиева также заболела, её схватил тяжелый правосторонний паралич, и в январе её сын Рамиз Велиев с сестрой Таирой Аскеровой привезли в город Али-Байрамлы больную мать, находившуюся в тяжелом состоянии. Семь месяцев мы все семьей ухаживали за ней, приезжали по вызову врачи центральной городской больницы. Но и они не смогли её вылечить. 27 июля она впала в кому, и мы на машине скорой помощи увезли уже агонизирующую больную в город Агстафу, где она в 5 утра скончалась. Все было так же, как в то майское утро 1981 года. История болезни моей матери в точности повторилась и с тещей.

В мае 1995 года по указанию главы государства Гейдара Алиева «Бакинский рабочий» временно приостановил выход издания. И так длилось до конца ноября, а в декабре газета возобновила выход уже с новым редактором Ирадой Векиловой, и в редакцию поступила новая компьютерная аппаратура. Но это было уже несвободное издание, произошли кадровые изменения. Я остался собкором по районам Аранского региона и ездил в райцентры уже из Баку.

В Баку жена купила трехкомнатную квартиру на Чичерина 3. И мы все перебрались в столицу 21 ноября 1995 года. Так закончился 38-летний период моей жизни в этом провинциальном городке на Ширване. Жена устроилась в школу, сын Самир продолжал работать в компании ВР.

И здесь, в Баку, я каждый день вспоминал незабвенную Марию, смотрел альбом с её фотографиями. Я искал прядь, которую она отрезала перед смертью, но ее нигде не было. Когда мы переезжали в Баку, эта священная реликвия потерялась среди домашних вещей. Сердце мое наполнилось грустью. В память о ней остались только несколько фотографий, которые я время от времени рассматриваю и вспоминаю дни, проведенные с этой удивительно прекрасной женщиной.

Мария умерла в мае 1981 года, а через год меня направили на учебу в Бакинскую ВПШ при ЦК КПСС. Вернулся оттуда и проработал в горкоме партии до лета 1987 года и вернулся уже в большую журналистику. Меня приняли на работу собственным корреспондентом «Бакинского рабочего», и с июня 1987 года работаю в этой газете. В моей жизни произошли большие изменения. Старший сын учился в Баку в университете Хазар, а младший служил пограничником в Нахчыванской Автономной Республике. Я много думал об их будущей судьбе. Моего заработка не хватило бы на их учебу и квартиру в городе. Поэтому я принял решение о переезде в столицу.

В Баку переселились 21 ноября 1995 года. Ныне от того бакинского дворика, где мы прожили до 2004 года, ничего не осталось. На этом месте частная компания ООО «НЕО» построила 17 этажный дом, и нам выделили одну трехкомнатную квартиру взамен сломанного ими нашего жилья. Пока строили дом, мы жили на квартире исполнительного директора компании «НЕО» Мухаммада Бабаева. Новая квартира была без ремонта, пришлось все

делать самим. Взял кредит, ремонт длился 18 месяцев, и с 4 ноября 2010 года мы переселились окончательно в новую квартиру, где я отметил свои 65 и 70 лет.

После того, как рухнул СССР, многое изменилось в жизни людей бывшей державы. Уже после смерти матери я искал книги, связанные с семьей императора Николая Романова. Первую книгу, которую я приобрел, называлась «12 ступенек вниз. Потом читал книги П. Жилера «Император Николай II и его семья» и Эдварда Радзинского «Николай II: жизнь и смерть», разные статьи и публикации в интернете. Вот это стихотворение великого русского поэта Александра Блока встревожило мою душу и часто напоминало о трагической судьбе династии Романовых:

*Девушка пела в церковном хоре
От всех усталых в чужом краю,
Обо всех кораблях, ушедших в море,
Обо всех, забывших радость свою.
Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как бело платье пело в луче.
И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.
И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный к Тайнам, плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.*

Август 1905

Ещё в детские годы я выучил песню:

*Белое море, белый пароход
Сяду, поеду на дальний восток.*

Для меня белый пароход в те детские годы ассоциировался со свободой, которой мне не хватало в поселке Керчевск. Вся моя жизнь проходила с ограничениями. Мы не имели права выезжать за пределы нашего поселка и жить достойно. С раннего детства я столкнулся с мерзостями суровой жизни Урала, но благодаря Марии получил хорошее воспитание. Она привила мне любовь к чтению и сама также читала, не сплетничала и не злословила. Она была рядом со мной, и мы не были одиноки, вместе мужественно переносили удары судьбы. А их было так много, что не перечесть и словами не передать. Её нет рядом со мной уже 36 лет, у меня семья, дети внуки, а я все равно ощущаю это одиночество.

В следующих главах я постараюсь осветить некоторые подробности жизни Марии Николаевны, потому что я всегда был рядом с нею.

Глава первая

Жизнь в Уральской глубинке

В этой главе я начинаю рассказ о Марии, которую вместе с моим отцом переселили из Крыма в поселок Керчевский Чердынского района Пермского края (Молотовской области) 14 мая 1944 года по указанию Иосифа Виссарионовича Сталина. Под это решение правительства попадали все, кто сражался на фронте Великой Отечественной войны, кто служил в партизанских отрядах в тылу и имел определенные заслуги перед родиной. Это было великое переселение народов на окраины Советского Союза.

Сквозь годы моего нелегкого и нерадостного детства, проведенного в Керчевском, я вспоминаю дни, когда по-настоящему стал себя сознавать человеком и сыном самой красивой женщины на этом свете – Марии. Она была рядом со мной всегда. В те далекие годы я особенно нуждался в её ласках и не мог себе представить свободной минуты без её обаятельного нежного взгляда серо-голубых глаз. И сегодня мне, в возрасте 56 лет, пришла в голову идея написать книгу об этой удивительной женщине, которая родилась в самый переломный период революционной эпохи и выжила несмотря ни на что. Что может возродиться в тайниках моей памяти далекого детства? Для детей того периода, жизнь представлялась именно такой, какой она была. Не было нужды особенно расписывать реалии суровой жизни семьи переселенца. Этот слепок врезался в мои воспоминания и навсегда остался в них. Потому что все мы были пропитаны социалистической идеологией, воспитаны на основах советского патриотизма и пролетарского интернационализма, и то, что творилось в других странах, и государствах мира, нас совершенно не касалось. Мы жили в отдельно взятом государстве со своей экономикой и идеологией. Мы верили в то, что для нас делала партия великих вождей пролетариата Ленина и Сталина.

Я вспоминаю каждый час своей жизни, проведенный рядом с этой женщиной. И не перестаю восхищаться и удивляться, с каким мужеством она преодолевала жестокие удары судьбы. Ну, разве для этого родился человек, чтобы спокойно переносить их и смиряться с существующим положением в государстве и обществе? Совсем нет – человек родился, чтобы быть свободным и творить своим разумом добрые дела на благо государства и общества. Этого я еще не понимал и не ставил таких вопросов в годы моего детства, которые проходили в поселке Керчевский, которому сегодня исполнилось 86 лет. И я рос в послевоенное время и испытывал те же трудности, что и дети всех городов и поселков всего Советского Союза. Но со мной была она, Мария, заботившаяся обо мне, вкладывавшая все силы и душу в мое воспитание. И я это чувствовал, хотя и не понимал, какая это жизнь в поселке, именуемом «Черный квадрат», куда даже и письма не доходили. Помню, как радовался мой отец, когда незадолго от нашего отъезда, получил небольшую посылку, присланную с родины, куда были сложены восточные сладости и горсть гороха нута, который азербайджанцы варят вместе с мясом. Эти блюда национальной кухни называются «Пити» и «Бозбаш». Здесь, на северном Урале, никто не готовил такие обеды, но мой отец знал и мог их готовить. Это я привел к слову, чтобы показать, каким был на самом деле поселок Керчевский. Никто мне не рассказывал и не объяснял значение этого названия. И поскольку родителей вывезли из Крыма, я думал, что его название происходит от слова Керчь, откуда приехали многие, и с ними Мария и мой отец. И в этой глухомани с ее крепкими морозами длинной зимой и коротким летом прошли десять лет моей жизни рядом с чуткой и внимательной женщиной.

Отец работал там, где открывалась вакансия. Одно время он даже был парикмахером. К нему приходили разные клиенты, он брил им бороды и стриг волосы. Тогда была мода бокс и полубокс. Но среди жителей поселка встречались разные люди, одни сидели спо-

койно, и с ними у отца проблем не было, другие разговаривали во время бритья и случались порезы на лице. Постоянно возникали споры, отец не выдержал и ушел и устроился в команду пожарной охраны. Мария работала по дому и вела уроки рукоделия в средней школе поселка Керчевский, который для многих оставался закрытым населенным пунктом. Здесь жили только зеки и переселенцы, прибывшие по волевого решению вождя всех времен и народов Иосифа Виссарионовича Сталина из южных окраин Советского Союза. Через годы, когда уже не стало государства под названием СССР, я узнал настоящую правду о великом переселении народов на окраины бывшей державы. И что всем этим процессом руководил лично всесильный Лаврентий Павлович Берия. На сборы в далекую и неизвестную поездку отводилось всего несколько часов, чтобы спецпереселенцы могли собрать свои пожитки. Одних вывезли в регионы Северного Урала, других в голодные степи Казахстана и Туркмению. Их вина состояла в том, что они принадлежали к малочисленным народам, которые жили совсем недалеко от границ с Турцией, одной из союзниц фашистской Германии. Прибывших переселенцев стали расселять в наспех построенные бараки, мобилизовав на тяжелые работы на лесозаготовках и сплаве леса вниз по реке Кама до Соликамска.

У каждого человека своя биография, судьба и миссия в обществе. Я никогда об этом не задумывался, просто жил, как все и не хотел войны, которую пережили миллионы советских граждан.

Я родился 30 июля 1946 года днем в бараке № 18. Как рассказывала Мария, к бараку подъехала карета с тройкой вороных коней, и было много женщин. Рассказ матери я воспринимал, как красивую незнакомую сказку, а правда оказалась намного суровой и жестокой. Я был одним из тех новорожденных, кто появился в неволе в Советском Союзе в мусульманской семье, которую, как сотни других политически неблагонадежных семей, выслали в глубь России и в безлюдные степи Казахстана. Как же можно было все это сформулировать именно так, а не по-другому? Отец мой по национальности азербайджанец и с трудом говорил по-русски, а Мария могла изъясняться по-тюркски, по-немецки, по-русски, знала французский, читала на арабском языке Священный Коран. Они оказались в поселке в числе жителей насильственно переселенных из Крыма 14 мая 1944 года. Вождь всех времен и всех народов не доверял малочисленным народам, жившим на побережье Черного моря, и насильно перевез их на Урал, где требовалась рабочая сила на лесозаготовках. Вот что было настоящей причиной великого переселения. Так, по воле судьбы, я родился в самом сердце Великой России. Отсюда вышло много мудрых людей великой державы. В Интернете я нашел материал о поселке Керчевский с фотографиями. Вот как выглядел поселок моего далекого детства:

По одной из версий, названия деревень **Верхнее и Нижнее Керчево**, рядом с которыми вырос наш поселок, произошли от слова «керч» – так местные жители называли болотное растение, встречавшееся в этих местах.

Керчевский сплавной рейд был образован в 1932 году в нескольких километрах выше устья Вишеры. Вместе с предприятием строился одноименный рабочий поселок на правом берегу Камы. Место здесь было болотистое, из-за чего дороги на некоторых улицах покрывали «торцовкой».

Поселок окружали многочисленные деревни: Исаково, Могильниково, Кирьяново Баяндино, Нижний Шакшер, Матвеево, Верхний Шакшер, Митрофаново, Тагъяшер, Пашиб, Зелвы, Петухово, Гремячево, Бараново.

И теперь уже несуществующие: Гари, Мысы, Федорино, Иваново, Пальник, Хмельник, Елевник, Анцекурово (Лом), Логоваты, Беяки, Пальково, Кондратьево, Фролово, Омелино.

В советскую эпоху Керчевский сплавный рейд был крупнейшим предприятием среди себе подобных в Европе, и вторым в мире после Канады.

По численности населения поселок лидировал среди населенных пунктов Чердынского района. Снабжение было на высшем уровне. В Керчево ездили за товарами из близлежащих городов Соликамска и Березников. Кроме того, на рейде трудились многие сезонные рабочие, которые приезжали со всех республик бывшего СССР. Зарплаты здесь были одними из самых высоких в области.

Жизнь в поселке всегда оживлялась с приходом студенческих отрядов – в основном, из ВУЗов Перми. Студенты – народ неугомонный: в Черемушках», где они жили, всё бурлило и кипело от заката до рассвета, всевозможные конкурсы и дискотеки собирали добрую половину поселковой молодежи каждый вечер.

И зимой никто бы не сказал в то время, что жизнь здесь скучна. Керчевская самодеятельность была одной из лучших в области. Клуб пестрел афишами: танцевальные коллективы, ВИА, кукольный театр, духовой оркестр. Постоянными были драматические постановки.

Поселок жил и был счастливым... Но за всем этим благополучием никто не задумывался о будущем, которое наступило быстрее, чем ожидали.

Иссякли лесные ресурсы, крупнейшее предприятие стало дотационным, а в 2005 году и вовсе прекратило свое существование. Многим пришлось съезжать с обжитых мест и искать новую работу.

Почему же в эпоху подъема производства и рентабельности предприятия никто не задумывался о благоустройстве поселка? Единственное, что успели сделать — это положить асфальт на центральных улицах, которые ни разу с тех пор не ремонтировались, и построить школу.

Вот так страна отблагодарила свое крупнейшее лесозаготовительное предприятие. А вот краткая характеристика поселка Керчевский Чердынского района:

Поселок состоял из пристани на правом берегу реки Кама, центр Керчевского сельского поселения. Население: 3046 ч. (2002 г.)

Поселение возникло в 1931 году при сооружении здесь сплавного рейда. Название получило от близлежащих деревень. Верхнее и Нижнее Керчево. Оно происходит от русского диалектного слова *корчева* — «расчистить», «место, где корчуют лес». В 1932 году образован Керчевский сплавной рейд (первоначально — сплавная контора), награжденный 21.09.1982 г. орденом «Знак Почета» и являвшийся в советский период крупнейшим рейдом в мире. Из бревен, сплавляемых с верховий Камы молевым (рассыпным) способом, формировались пучки и плоты, которые транспортировались в поселок Тюлькино, где сводились в большие плоты. В 1966 году бригадир лесопункта рейда И.В. Гордеев был удостоен звания Героя социалистического труда. Этого же звания удостоился в 1971 году бригадир сортировщиков рейда Н.И. Тимошенко. При рейде действовали цехи стандартного домостроения, тарный, ширпотреба и другие. В зимний период велись лесоразработки. До 1968 года здесь находился Керчевский леспромхоз. В 1989 году был пущен в эксплуатацию асфальтобетонный завод. Поселок городского типа, с 26 февраля 1941 до начала 21 века (января 2006 года) Керчевский являлся центром Керчевского поселкового совета.

Предприятия: АОЗТ «Керчевский рейд», асфальтобетонный завод, отделение почтовой связи. Здравоохранение: участковая больница, аптека № 138. Образование: средняя школа (в ней находится школьный этнографический музей, открытый в 1988 г.), детская музыкальная школа и детсад. Среди учреждений культуры — клуб, сельская библиотека (образована в 1949 г. как профсоюзная, с 1991 г. находится в ведении Чердынской центральной библиотечной системы как филиал № 24; работает пол программе «Наследие»).

Архитектура, достопримечательности: памятник В.И. Ленину. До Великой Отечественной войны в поселке жил М.А. Ефименко (род. 1925 г.), ставший полным кавалером орденов славы.

Из приведенных документов видно, что этот небольшой поселок создали в 30-е годы прошлого века, его жители рубили лес и складывали в плоты, а потом сплавляли вниз по реке Каме. Так и возник поселок Керчевск — лесосплавный рейд.

Зимой, когда река Кама замерзала, заядлые рыбаки делали проруби и ловили рыбу. Для перевозки леса использовали лошадей тяжеловесов и сани, на которые укладывали тяжелые бревна. В разгар лета на реке устанавливали специальные приспособления, на которых делали плоты, и потом сплавляли их вниз при помощи речных пароходов. Такие картины я наблюдал до лета 1956 года, когда в августе мы всей семьей навсегда покинули поселок моего детства. Но остались воспоминания, которые живут во мне все эти годы. Детство, каким бы оно ни было, никогда не забывается. Поэтому и я дорожу им и порой возвращаюсь назад в прошлое, вспоминая суровый климат Северного Урала. Оценку ему даешь, лишь когда по-настоящему узнаешь, что такое жизнь.

Детские годы с Марией

С того времени, когда стал мало-мальски разбираться в жизни и знакомиться с окружающим миром, я ощутил всю мерзость острых шуток зеков, отбывающих наказание в этой уральской глубинке и почувствовал свою незащищенность, но при этом всегда был с Марией. Закрытый поселок населяли потомки аборигенов мордвы и заключенные, которые жили вдали на другом берегу реки Камы.

В те годы здесь стояли трескучие морозы, доходившие до 40–45 градусов. Зимой были невыносимые холода, а весной и летом не давали покоя комары-кровососы. От их укусов чесалась кожа, на почве которой распространялись кожные заболевания. Болели не только дети, но и взрослые. Для моего детского питания Мария приобрела козу, которую ласково звала Муськой. В год один раз коза давала приплод, а также молоко, на котором мать варила мне кашу. Кроме того, из села Новая деревня, находившегося в нескольких километрах от нас, к нам летом приезжала полная женщина с большой корзиной черники, из которой на общей печи во дворе готовила варенье.

Первую пробу пенистого горячего варенья она подавала мне и что-то хотела сказать, но не могла, и вместо связной речи, я слышал какое-то шипение и мычание. Как мне потом рассказали, эту женщину тоже звали Марией, а люди, хорошо знавшие её семью, называли её Матреной. Она была немой и очень напуганной женщиной. Она обычно появлялась у нас в самые трудные минуты – когда мне нездоровилось или надо было сделать хозяйские заготовки на зиму. Тут она всем показывала класс.

А Мария, пережившая большую семейную трагедию, иногда забывалась и безудержно говорила несвязные слова. Им никто не придавал значения. Я всего этого не знал, но мне было всегда хорошо с ней. Она была всегда ласковой, улыбалась, общалась со мной, рассказывала различные истории, которые были похоже, скорее всего, на сказку прошлых лет. Никогда не оставляла меня одного дома, брала с собой даже на уроки рукоделия в школу. Так с раннего детства я познакомился со школой и детьми, которые ходили учиться. Это были в основном русские мальчики и девочки мордвы и других национальностей. Я отличался от них цветом своих волос. И с раннего детства услышал слово «черномазый», означавшее лицо кавказской национальности. Но они относились ко мне с симпатией, как к сыну учительницы. Показывали свои игрушки, играли на переменах между уроками.

Мать брала меня в школу в особых случаях, когда меня было не с кем оставить дома. В то время к нам поселилась квартирантка Валентина, молодая красивая женщина, с короткой стрижкой. Она меня обнимала и укладывала спать, а сама ложилась рядом. И эта близость на меня действовала лучше любого бальзама, и я, чувствуя себя в безопасности, засыпал сладким сном под напевы колыбельной песни.

Урок на всю жизнь

В советской школе всегда уделялось большое внимание военно-патриотическому воспитанию. И поэтому почти в каждом классе висели портреты героев Гражданской и Великой Отечественной войн. Однажды в классе, где Мария вела уроки рукоделия, я увидел картину, выполненную масляными красками, на которой была изображена молодая девушка в окружении гитлеровцев, которые вели ее, бесстрашную партизанку, к виселице. Я спросил, кто эта девушка и за что её наказывают немцы. Мария объяснила, что это Зоя Космодемьянская, которая тайком пробралась на конюшню к немцам и приготовилась спалить всех животных. Мне стало жалко лошадей, и я высказал на уроке наивную фразу: «Пусть вешают. Так ей и надо!»

Сказал – и пожалел. В мой пальчик вонзилась маленькая иголочка, которой мать вышила на материи какой-то орнамент. Боль пронзила мой пальчик, из ранки брызнула кровь, и я вскрикнул от боли, да так, что вздрогнули девочки. «Ой! Ой! Мне больно!» – кричал я на весь класс.

Ученицы встали в мою защиту и просили учительницу простить эту несознательную выходку. Через несколько минут она сказала: «Ну как? Тебе больно! Ей тоже было больно! Никогда не смейся над чужой болью». Слова матери я запомнил на всю жизнь и всегда придерживался этой заповеди. Она вошла в мою душу, в плоть вместе с болью, которую я ощутил всем телом. Человек, однажды ощутивший такую боль, никогда не сможет ее забыть. Так я своим детским разумом тех лет хорошо усвоил урок, преподанный мне матерью, какой ценой нам досталась Победа над заклятым врагом фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны.

Урок окончился, все разошлись, и Мария, взяв меня за руки, тихо вышла из класса, находясь в тяжелом душевном состоянии из-за того, что обидела меня. Я не понимал, что за Марией следили специальные люди из НКВД, и ей ни в коем случае нельзя было привлекать к себе внимание. Обо всем этом она мне подробно рассказала дома и просила не говорить плохо о ветеранах и героях Отечественной войны.

Мария – моя мама

Мои детские годы проходили, как правило, в окружении взрослых людей. Родители работали, няньку в те годы найти было трудно. В детский сад детей спецпереселенцев не брали. Возможно, именно этот фактор стал определяющим в моем скором взрослении. Однажды мать, оставив меня возле дома, ушла в магазин за продуктами. Я сидел на зава- линке и терпеливо ждал её возвращения. Ко мне подошел высокий худощавый русский мужик и над моим ухом хрипловатым голосом пропел такую фразу: «Мать твоя ушла с дру- гим мужчиной и больше не вернется». Его слова задели мое самолюбие, и я ему грубо отве- тил. Сейчас я не помню, какое это было слово, из бранного лексикона рецидивистов. Я даже не знал его значения, оно запомнилось мне из разговора взрослых. От такой неожиданности мужик весь побелел. «А ну повтори, что ты сказал», – в приказном тоне произнес мужчина и уставился на меня глазами, наполненными злобой и ненавистью.

Детский слух особенно восприимчив, когда улавливает незнакомые слова, да еще из жаргона уголовников. Видя надвигающуюся угрозу я, не думая, что будет со мною в это время, прошмыгнул между его широко расставленными ногами и пробежал в нашу квартиру, что находилась в двух шагах от барака № 18. Прошло довольно много времени, с тех пор, как мать ушла в магазин. От детского сознания того, что с ней может случиться что-нибудь пло- хое, у меня навернулись слезы. Я плакал в комнате тихо и долго и от сильного нервного рас- стройства неожиданно заснул. Не помню, сколько времени длилось это состояние, но когда приоткрылась дверь и вошла мать, я пришел в себя и бросился к ней навстречу. Я радовался, видя её целой и невредимой, и покрыл все лицо поцелуями, приговаривая: «Милушка, голу- бушка!» Она смеялась от души, видимо, зная уже о злой шутке взрослого мужчины надо мною. Но потом, сделав серьезное лицо, она рассказала мне о том, как один мальчик в боль- шом людском потоке потерял свою мать. Когда у него спросили, какая у него мама, он ска- зал: «Моя мама самая красивая на свете!» Я внимательно её слушал, и когда она кончила рассказ, я крепко обнял голову матери и пообещал: «Я никогда тебя не потеряю, мама!». Она заплакала от нахлынувших на неё чувств и сквозь слезы смеялась. Лучшим гостинцем были её поцелуи и леденцы, купленные специально для меня. Я успокоился и снова заснул уже у неё на руках. Так я познакомился с рассказом великого русского классика Льва Толстого о матери. Это один из немногих эпизодов моего детства, который прочно врезался в мою память.

Детские шалости

Весной 1950 года нас переселили в новый барак, ставший по счету 19-м. Отец мой работал в пожарной охране, а мать из школы перевели в сторожку лесопильной организации. Я вместе с ней ходил на дежурство. Она, как и большинство переселенцев, надевала ватник. Так керчевчане называли телогрейку. И там мне ненароком приходилось слушать далеко не детские вещи, от которых иногда волосы становились дыбом. Мария просила мужиков не рассказывать криминальные истории и не ругать при мне представителей властей. Мужики обещали, но как, бывало, напьются, их невозможно было удержать от русской брани. Они обычно пели песни военных лет. «Песенка фронтового шофера» мне нравилась, её я запомнил на всю жизнь:

*Через реки, горы и долины,
Сквозь пургу, огонь и чёрный дым
Мы вели машины., объезжая мины.,
По путям-дорогам фронтовым.
Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела!
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела!
Путь для нас к Берлину, между прочим,*

*Был, друзья, не лёгок и не скор.
Шли мы дни и ночи, было трудно очень,
Но баранку не бросал шофёр.
Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела!
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела!
Может быть, отдельным
штатским людям
Эта песня малость невдомёк.
Мы ж не позабудем, где мы
жить ни будем,
Фронтовых изъезженных дорог.
Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка любая!
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела!
А помирать нам рановато,
Есть у нас ещё дома дела!*

Но однажды среди них оказался очень добрый дядя, который показал мне игрушку. Русская тройка коней с золотистым отблеском прокатилась по шершавой поверхности стола

у меня на глазах. Я находился в неописуемом восторге. У меня до сих пор не было такой игрушки. Но эта тройка предназначалась совсем другому ребенку, и я всего лишь имел возможность понаблюдать, как мастер заводил игрушку и пускал её по столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.